

•ЦЕРКОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Н. Ю. Сухова

«ИДЕЯ АКАДЕМИИ» В ПОДГОТОВКЕ И ПРОВЕДЕНИИ ДУХОВНО-УЧЕБНЫХ РЕФОРМ XIX — НАЧАЛА XX В.

Статья посвящена формированию и развитию высшей духовной школы в России в XIX — начале XX в., конкретнее — истории «идеи Академии», положенной в основу высшей духовной школы. Актуальность темы обусловлена российскими духовно-учебными реформами, проводимыми в последние годы. На материалах дореволюционных реформ духовных академий в России, проектов, аналитических записок и дискуссий автор выявляет сочетание в «идее Академии» на разных этапах влияния западных научно-образовательных моделей, опыта российских университетов и самих духовных академий.

Ключевые слова: *православная духовная академия, история духовного образования.*

Реформы, которые проводятся в последние десятилетия в системе духовного образования и направлены на уврачевание ее недостатков, ставят перед начальствующими, учащими и учащимися много новых вопросов и проблем. Новые идеи, которые вольно или невольно должна воспринять духовная школа, одним кажутся чересчур радикальными, ломающими саму идею духовной школы, другим — напротив, слишком вялыми и недостаточно современными.

«Идея Академии» в подготовке и проведении духовно-учебных реформ...

Встречаясь с этими проблемами современных богословских школ, вполне естественно обратиться к опыту, накопленному предшествующими поколениями, или к традиции.

Одной из наиболее ярких идей, определявших принципы деятельности российской высшей духовной школы в XIX — начале XX в., является «идея Академии». Попытаемся проследить ее судьбу и метаморфозы при проведении духовно-учебных реформ. Так как семинарии, получив в 1998 г. статус высших духовных школ, включились и в соответствующее проблемное поле, «идея Академии», связанные с ней проблемы и исторические коррективы стали актуальны и для российских духовных семинарий. Основная часть статьи посвящена XIX — началу XX в., однако для понимания проблематики следует сделать небольшое историческое введение.

В российском научно-образовательном пространстве термин «Академия» появился впервые в 1701 г., когда две действующие школы — в Киеве и в Москве — получили статус академий. Киево-Могилянская коллегия просила царя Петра о даровании этого статуса еще с 1694 г., Московской он достался по аналогии: одновременно с получением академического статуса на нее были перенесены структура, правила и учебные программы Киевской школы¹. Ближайшее заимствование указанных названий — из Восточной Европы, где к середине XVII в. активно действовали иезуитские коллегии и академии, последние отличались: 1) обязательным наличием старшего — богословского — класса, 2) определенными свободами и 3) правом присуждения ученых степеней.

Но не следует отдавать пальму первенства иезуитам: в реализуемой ими модели учебного заведения нетрудно увидеть, с одной стороны, несколько преобразованную структуру средневекового университета, с другой, — богословско-философских школ первых веков христианства: система человеческого знания — семи «свободных искусств» («тривиум» и «квадривиум»), венчаемая специальным — богословским — факультетом (классом).

Второй раз термин «академия» появился в России в проекте, составленном Готфридом Лейбницем по просьбе царя Петра в 1711 г. Ав-

¹ Памятники, изданные Киевскою комиссиею для разбора древних актов. Т. II. Киев, 1897. С. 488–492, 492–497; Историческое известие о Московской Академии, сочиненное в 1726 году от справщика Федора Поликарпова, и дополненное преосвященным епископом Смоленским Гедеоном (Вишневым) // Древняя российская вивлиофика. Ч. XVI. С. 295.

тором предлагалась трехступенчатая научно-образовательная система: гимназия, университет, академия, причем последняя была не учебным, а научным заведением, по примеру Парижской академии наук².

В 1720-х гг. подтвердилось двоякое понимание «академии» — как учебного и как научного учреждений. В 1721 г. в Духовном регламенте было сказано об учебном заведении общецерковной значимости — Академии (при которой должен быть Семинариум — общежитие для юношества, отданного в науку)³. А в 1724–1725 гг. в Петербурге открылась Академия наук и художеств — по примеру Парижской академии наук, а при ней университет. Ни в Академию, ни в университет богословие включено не было⁴.

Наконец, отметим проекты второй половины XVIII в. (1760–70-х гг.), в которых предлагалось так или иначе сочетать богословие с университетом остальных наук, уйдя при этом от самого термина «академия»: либо включить богословский факультет в действующий с 1755 г. Московский университет, либо преобразовать существующие Московскую и Киевскую академии в Духовный университет, соединяющий «все науки, духовному чину потребные», вокруг богословия⁵.

Но ни один из этих проектов реализован не был, от действующего типа Академии отказаться не решились, а в 1797 г. статус Академии получили даже еще две школы — Петербургская и Казанская⁶.

² *Петров Ф. А.* Формирование системы университетского образования в России. Т. 1: Российские университеты и устав 1804 года. М., 2002. С. 343–344. Прим. 5; *Герье В. И.* Отношение Лейбница к России и Петру Великому. СПб., 1871. С. 121–125.

³ Регламент или Устав Духовной Коллегии (с манифестом об учреждении Духовной коллегии от 25 января 1721 г.). Дома училищные и в них учителя и ученики, тако ж и церковные проповедники // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (ПСЗ I). Т. VI. СПб., 1830. № 3718. С. 330–339.

⁴ Именной, объявленный из Сената, указ от 28 января 1724 г. «Об учреждении Академии и о назначении для содержания оной доходов таможенных и лицензных, собираемых с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Арнсбуга». С приложением проекта об учреждении Академии // ПСЗ I. Т. VII. СПб., 1830. № 4443. С. 220–224.

⁵ Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII–XIX вв. / *сост. С. Рожественский*. Т. 1. СПб., 1910. С. 30–39, 268–323; Киевская старина. 1896. № 12. С. 389–390; *Петров Н. И.* Киевская академия в царствование Екатерины II (1762–1796) // Труды Киевской духовной академии. 1906. № 7. С. 487–488; *Петров Ф. А.* Немецкие профессора в Московском университете. М., 1997. С. 43–44.

⁶ Именной, данный Синоду указ от 18 декабря 1797 г. «Об учреждении Духовных Академий в Санкт-Петербурге и Казани» // ПСЗ I. Т. XXIV. СПб., 1830. № 18273. С. 821.

«Идея Академии» в подготовке и проведении духовно-учебных реформ...

Тем не менее, проблемы, сопряженные с духовным образованием, побуждали к его активному совершенствованию, а таковое, как казалось к началу XIX в., можно было проводить только слаженными действиями в централизованной духовно-учебной системе. Таковую и решились построить в первое десятилетие царствования Александра I, в 1808–1814 гг. Проведенная реформа разделила духовную школу на ступени, определив значение каждой⁷. При этом духовной школой в непосредственном смысле слова — школой для подготовки духовенства — стала средняя ступень, семинарии, высшая же ступень — академии — должна была заниматься развитием «духовной учености»⁸. Пореформенные духовные академии должны были стать учреждениями нового типа, в которых соединились, как минимум, четыре идеи.

Главной из них являлась идея научного центра, Академии наук духовных, аналога российской Академии наук, в которую богословие включено так и не было. Учебный институт — высшее духовное училище — учреждался *при* Академии, подобно как в 1724–1725 гг. был учрежден университет при Российской академии наук и художеств⁹.

Второй идеей, включенной в модель духовной академии начала XIX в., была «идея Университета»: в высшую духовную школу были включены некоторые университетские черты, зафиксированные в Уставах российских университетов 1804 г. При этом особый акцент делался на включении в состав духовных академий «всех наук, духовному чину потребных», то есть на «универсуме знаний», связанном с духовным служением¹⁰.

Третьей идеей, унаследованной новыми академиями от дореформенной российской традиции, была иезуитская школа: общеобразовательный процесс, завершаемый изучением философии и богословия,

⁷ См.: Сухова Н. Ю. Духовно-учебная реформа 1808–1814 гг. и становление высшей духовной школы в России // *Она же*. Вертоград наук духовный: сб. ст. по истории высшего духовного образования в России XIX — начала XX века. М., 2007. С. 22–33.

⁸ РГИА. Ф. 802. Оп. 17. Д. 1. Л. 54 об. – 55 об.

⁹ Высочайше утвержденный 30 августа 1814 г. проект Устава православных духовных училищ // ПСЗ I. Т. XXXII. СПб., 1830. № 25673 (далее: Устав духовных академий 1814 г.). § 409. С. 938, 947. Ср.: Именной, объявленный из Сената указ от 28 января 1724 г. «Об учреждении Академии и о назначении для содержания оной доходов таможенных и лицензных, собираемых с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбуга». С приложением проекта об учреждении Академии // ПСЗ I. Т. VII. СПб., 1830. № 4443. § 1–6. С. 220–221.

¹⁰ Академия должна была включать в свой состав и развивать «все науки, духовному чину потребные» (РГИА. Ф. 802. Оп. 17. Д. 1. Л. 54 об. – 55 об.).

сопряженный с нравственным воспитанием и «духовными упражнениями». Разумеется, несмотря на эту цитату из иезуитского «Ratio studiorum» (1599)¹¹, под «духовными упражнениями» подразумевались молитва и богослужение, но общая идея — духовное формирование личности при неразрывной связи образования с воспитанием — несомненна.

Наконец, четвертой идеей была профессиональная устремленность, ибо академии, как и все прочие ступени духовно-учебной системы, были связаны с определенным профессиональным видом занятий — духовным служением.

Академии должны были стать центрами духовной учености, то есть развивать ее не только силами собственных учащихся и учащихся, но и силами духовенства своих округов, окончившего академии¹². «Ученость» должна была свидетельствоваться учеными степенями: кандидат, магистр, доктор и, в соответствии с этим, поощряться и материально. Так как «профессиональная идея» была связана с подготовкой священства и преподавателей духовно-учебных заведений, для них были установлены «степенные» оклады: доктору богословия — 500 руб. ежегодно, магистру — 350 руб., кандидату — 250 руб.¹³

Следует отметить, что введение степеней, то есть «измерение» духовной учености, воспринималось непросто, особенно на начальном этапе. Так, в 1812 г. иеромонах Филарет (Дроздов) писал своему товарищу по Коломенской семинарии: «...когда в Церкви оскудели учителя, тогда явились доктора, профессора и бакалавры. Дух Евангельский, подобно как спирт, стали измерять градусами»¹⁴. Однако через два года сам святитель Филарет стал доктором богословия, а в качестве ректора Санкт-Петербургской ду-

¹¹ Устав духовных академий 1814 г. § 8–15. С. 911–912. Ср.: «Ratio Studiorum atque Institutio Studiorum Societatis de Jesu» («Порядок изучения наук, а также Устроение ученых занятий в Обществе Иисуса»), официально опубликованный в 1599 г.

¹² Устав духовных академий 1814 г. § 280–287. С. 938; § 395–428. С. 946–949.

¹³ РГИА. Ф. 796. Оп. 96. Д. 996. 1815 г. Устав учебных заведений духовного ведомства. Л. 1–2. См. также: Высочайше утвержденный 27 августа 1814 г. доклад Комиссии духовных училищ «О дополнительных правилах к Уставам о духовных училищах» // ПСЗ I. Т. XXXII. СПб., 1830. № 25658а. С. 885–889; *Филарет (Дроздов), свт.* Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам, изданное под редакцией преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского: в 5 т. Т. II. СПб., 1885. С. 166.

¹⁴ Письмо к священнику Г. Г. Пономареву от 26 февраля 1812 г. // *Святитель Филарет (Дроздов)*. Избранные труды, письма, воспоминания. М., 2003. С. 658.

«Идея Академии» в подготовке и проведении духовно-учебных реформ...

ховной академии участвовал в присуждении первых магистерских и кандидатских степеней выпускникам I курса преобразованной академии.

Учебный процесс в академиях должен был соответствовать заявленной «учености»: фактологические знания оставались средней школе, в академиях же следовало проводить «философские изыскания» основ каждой науки, выявлять взаимосвязь всех наук «в свете истины Христовой»¹⁵.

Нельзя сказать, что духовные академии не выполнили поставленных перед ними задач: был налажен регулярный процесс подготовки духовно-учебных кадров; преподавательские места в академиях и семинариях и законоучительские должности заполнялись лицами с высшим духовным образованием, укреплялась ими и миссия, довольно много выпускников академий служило священниками в городских храмах. Так что если понимать под развитием «духовной учености» подготовку лиц с высшим духовным образованием — эту задачу удалось решить. Однако если понимать под развитием «духовной учености» реализацию академий в роли Академий наук, центров научных изысканий, то следует признать, что эта задача была решена лишь отчасти. Основные силы преподавательских корпораций тратились на учебный процесс, более актуальный и неотложный, при этом очень трудоемкий, ученые же изыскания остались на долю особенно ревностных.

Не выполняла своей главной задачи — стимулирования исследовательской деятельности — и система научно-богословской аттестации. Младшие ученые степени, кандидата и магистра, были выпускными, квалификационными, их получало подавляющее большинство выпускников академий, и этого было вполне достаточно для занятия преподавательских мест как в семинариях, так и в самих академиях, причем даже профессорских. Таким образом, никаких «служебных» побуждений к усиленной научно-литературной деятельности не было. Поэтому старшая степень (доктора) присуждалась лишь в особых случаях, причем исключительно лицам священного сана, так как с ней связывалось понятие «учителя христианского» (*лат. doctor* — учитель, от *docere* — учить)¹⁶.

К середине XIX в. стало ясно, что как с преподавательской, так и со студенческой «ученостью» в духовных академиях связаны большие

¹⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 1. Л. 1 – 54 об.; Устав духовных академий 1814 г. § 130–172. С. 923–927.

¹⁶ Устав духовных академий 1814 г. § 419. Однако в Уставе 1814 г. нигде не было конкретных указаний на обязательность священного сана для доктора богословия.

проблемы. Прежде всего, претензии вызывало само понятие «учености» как эрудиции, многознания — ему противопоставлялось понятие настоящей науки, специальных исследований. Академиям ставилось в вину, что таких специальных исследований они не ведут и соответствующих научных трудов не представляют, то есть богословской науки в прямом смысле слова в России нет.

Выпускники академий обвинялись в отсутствии специальных богословских знаний, а разные сферы церковной жизни требовали именно специалистов. Даже семинарии настаивали на том, что им нужны на преподавательские должности не эрудиты, знающие «обо всем и ни о чем», но лица, подготовленные специально к конкретным кафедрам. Но академические учебные планы, значительно развившиеся с начала XIX в., страдали многопредметностью и не позволяли даже подумать о каких-либо дополнительных специальных занятиях, наводя на ту же мысль о естественном вырождении «богословского энциклопедизма»¹⁷.

Была затруднена и передача личного исследовательского опыта от преподавателей студентам, так как система академического образования была исключительно лекционной, а при написании выпускного сочинения отсутствовали научные руководители как таковые.

Претензии к богословской науке предъявлялись и извне. Новые теории в естественных науках, претендующие на пересмотр библейской картины создания мира и человека, требовали адекватной богословской оценки. Ученые изыскания гуманитарных наук — истории, словесности, филологии, юриспруденции — касались области церковного Предания и церковной жизни, что ставило вопрос о соотношении их результатов с церковной наукой. Следовало признать, что трудоемкость учебного процесса установила его примат над наукой, и изначальный замысел «Академии наук духовных» не мог реализоваться в задуманной полноте.

Таким образом, необходимо было заново продумать концепцию высшей духовной школы — и идею совмещения в едином учреждении духовно-учебного и научно-богословского центров, и методы развития и поощрения научной деятельности — и искать какие-то более удачные решения.

¹⁷ Певницкий В. Ф. Речь о судьбах богословской науки // Труды Киевской духовной академии. 1869. № 11–12. С. 188.

«Идея Академии» в подготовке и проведении духовно-учебных реформ...

Решением стал новый Устав 1869 г., радикально изменивший все стороны жизни духовных академий¹⁸. Ключевыми понятиями этого Устава были «специализация» и «научное исследование». Особый акцент делался на научной задаче академий: они были призваны стимулировать специальные исследования членов корпораций и выпускников в области богословия и готовить к научной деятельности студентов. Одним из средств решения этой задачи была специализация, вводимая на всех уровнях: студентов первых трех курсов — по трем отделениям, студентов выпускного курса — по более конкретным группам наук, преподавателей — по кафедрам¹⁹.

Для общеобязательного изучения было выделено несколько предметов²⁰, все остальные дисциплины распределялись по трем отделениям (богословскому, церковно-историческому, церковно-практическому) и изучались только студентами соответствующего отделения²¹. Таким образом, академии стали своеобразными богословскими университетами с тремя квази-факультетами. Кандидатские степени присуждались теперь студентам по окончании 3-го курса²², на 4-й курс переводились только показавшие на испытании «отличные успехи» и представившие удовлетворительное «рассуждение». На этом курсе студенты должны были готовиться к научной и преподавательской деятельности, слушая особые специально-практические лекции по избранным предметам (в 1874 г. было утверждено 8 групп специализации) и писать магистерскую диссертацию. При окончании 4-го курса можно было получить и соответствующую степень, но при условии успешной сдачи особых магистерских экзаменов, представлении магистерской диссертации в виде

¹⁸ Подробнее о подготовке, проведении и результатах реформы православных духовных академий 1869 г. см.: *Сухова Н. Ю.* Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX века). М., 2006. С. 160–342.

¹⁹ Высочайше утвержденные 30 мая 1869 г. Устав и штаты православных духовных академий // ПСЗ II. Т. XLIV. Отд. 1. СПб., 1873. № 47154 (далее: Устав духовных академий 1869 г.). §§ 2, 65, 133, 137. С. 545, 548–549, 553.

²⁰ Священное Писание обоих Заветов, основное богословие и блок философских дисциплин (логика, психология, метафизика и история философии).

²¹ См.: Устав духовных академий 1869 г. §§ 110–116. С. 552.

²² См.: Там же. § 133. С. 553.

монографии и ее публичной защиты²³. Таким образом, в этом выпускном курсе можно видеть прообраз современной магистратуры.

Преподаватели должны были заниматься научным и учебным развитием преподаваемой дисциплины и стать в этой области специалистами, причем научно-богословская деятельность стимулировалась соединением с преподавательскими должностями «степенных» требований: для должности доцента и экстраординарного профессора — магистерской, для должности ординарного профессора — докторской²⁴. Докторская степень также присуждалась только за специальную диссертацию, публично защищенную²⁵. Докторами богословия могли теперь становиться и миряне, и последующий период засвидетельствовал готовность этой части академической профессуры к активной научной деятельности: отныне именно они составляли подавляющее большинство докторов и магистров в области богословия.

Если вспомнить четыре идеи, включенные в модель духовной академии в начале XIX в., можно заметить, что при реформе 1869 г. первые две — идеи Академии наук и университета — усилились, слившись при этом воедино; последние же две — идеи духовного воспитания и пастырской школы — ослабились. Ослабление «пастырской идеи» можно заметить еще и в том, что за все время действия Устава 1869 г. во всех четырех академиях пастырское богословие преподавали миряне²⁶. Этот парадоксальный факт объясняется как раз усилением «научности»: если пастырское богословие — наука, то преподавать ее может всякий научно состоятельный профессор.

Развитие богословской науки, требовавшее все больше сил от ее деятелей, сформировало особый тип профессора высшей духовной школы, всю свою жизнь посвящавшего этому служению. «Жизненное кредо» этой части русских богословов было сформулировано в 1917 г.: «...служить Церкви строго, стоящей на уровне века богословской наукой так же вы-

²³ См.: Устав духовных академий 1869 г. §§ 136–141, 144. С. 553–554; Положение об испытаниях на ученые степени и звание действительного студента в духовных академиях. Казань, 1874. § 1; Прил. к § 17. Таблица испытаний на степень магистра.

²⁴ См.: Там же. §§ 46–48. С. 547.

²⁵ См.: Устав духовных академий 1869 г. §§ 145–146. С. 554.

²⁶ См.: Сухова Н. Ю. Пастырское богословие в российской духовной школе (XVIII — начало XX в.) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. I: Богословие. Философия. 2009. Вып. 1 (25). С. 35–38.

«Идея Академии» в подготовке и проведении духовно-учебных реформ...

соко и плодотворно, как и служить в сане пастыря»²⁷. Преподаватели духовных академий и раньше неоднократно подчеркивали важность для Церкви научного развития богословия, с одной стороны, необходимость полноценной церковной жизни для богословов-исследователей — с другой.

Положения Устава 1869 г. были обусловлены конкретными проблемами академий, однако более внимательное изучение выявляет влияние европейских образовательных идей — прежде всего, идеи «университета исследования»²⁸. Влияние этой идеи выразилось, прежде всего, в переносе акцента на исследование, научный поиск, и включении в этот процесс учащих и учащихся академий — преподавание в единстве с исследованием (*нем.* *Bildung durch Wissenschaft*). Отзвуком «свободы преподавания» (*нем.* *Lehrfreiheit*) стало разрешение профессорам самостоятельно составлять учебные программы, выбирать пособия и распределять учебное время, предоставляя в Советы академий лишь итоговые отчеты о прочитанном. Сюда же можно отнести введение института «свободных» преподавателей — приват-доцентов²⁹. Отзвуком «свободы обучения» (*нем.* *Lernfreiheit*) было предоставление студентам двойного выбора специализации: отделения и группы предметов на выпускном курсе. Наконец, были особо оговорены вспомогательные средства, предоставляемые академиям: возможность научных командировок, организация научных конкурсов, премий, музеев, кабинетов — что также являлось характерной чертой «университета исследования»³⁰.

²⁷ Объяснительная записка к Уставу православных духовных академий, выработанному Отделом о духовных академиях (ГА РФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 381. Л. 253). (См.: *Иларион (Троицкий), архим.* О церковности духовной школы и богословской науки: (Вступительная лекция) // *Богословский вестник*. 1912. Т. IV. № 11. С. 485–500; *Зыков В. И.* Поучение в день празднования 107 годовщины академии. 17 февраля 1916 года // *Христианское чтение*. 1916. Ч. I. № 2. С. 131–137 и др.).

²⁸ Эта идея наиболее полно была выражена в берлинском Гумбольдт-университете в 1809 г. (об этом более подробно см.: *Андреев А. Ю.* Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории России. М., 2009. С. 331–349, 503–524).

²⁹ В Уставе говорилось, что они полностью вольны в выборе дисциплины преподавания, могут по своему желанию прекратить курс, лишь поставив начальство в известность (см.: Устав духовных академий 1869 г. §§ 48, 50, 55–58. С. 547–548).

³⁰ См.: Там же. §§ 169–171. С. 555.

В «специально-практических лекциях» для студентов выпускного курса нельзя не увидеть новую форму обучения, характерную для «классического университета», — семинары³¹.

Деятельность духовных академий при Уставе 1869 г. принесла много нового и полезного. Сформировались специалисты в разных областях и собственно богословских, и гуманитарных наук, появились исследования, проводимые на высоком уровне, который подтверждала рецепция научного сообщества как российского, так и зарубежного. В отделениях, объединявших преподавателей близких дисциплин, стало возможно обсуждение и научных, и студенческих квалификационных работ. Свобода в составлении учебных курсов позволила многим преподавателям перестроить их в исследовательском ключе: уделять преимущественное внимание обзорам источников и литературы, наиболее сложным разделам или вопросам, связанным с научными исследованиями самого лектора. В некоторых случаях удалось использовать по назначению и приват-доцентуру: возложить на «дополнительного» преподавателя разработку и чтение спецвопросов и дать ему возможность заниматься собственными исследованиями, дописать магистерскую диссертацию.

Однако «недодуманность» этой модели, включение в нее идей, к реализации которых не были готовы ни учащие, ни учащиеся, проявило и обратную сторону новой концепции. Так, выпускной курс, который по замыслу был венцом всего образования, не выполнил всех возложенных надежд. Специально-практические занятия по большей части не смогли стать настоящими семинарами по изучению источников и обсуждению современной историографии — прежде всего, по неготовности как студентов, так и преподавателей к такой форме работы. Отсутствие общего ритма занятий, обсуждений действовало расслабляюще. На магистерскую диссертацию не хватало одного года; попадая же в провинциальные семинарии, даже талантливые выпускники не заканчивали работ³².

Скоро стали проявляться и более серьезные проблемы: студенческая специализация оказалась не очень плодотворной в условиях российской духовно-учебной системы. Академии старались распределять своих выпускников в семинарии на кафедры, соответствующие полу-

³¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 37 (отд. 1, ст. 2). Д. 1. Л. 423.

³² Об этом более подробно см.: Сухова Н. Ю. Высшая духовная школа... С. 250–258, 308–314.

«Идея Академии» в подготовке и проведении духовно-учебных реформ...

ченной специализации. Но скоро оказалось, что спрос семинарий на преподавателей-специалистов не совпадает со специализацией академических выпускников. Проблему надо было решать либо прогнозированием вакантных кафедр и «волевым» распределением студентов по отделениям и группам специализации, либо созданием «резерва» из подготовленных специалистов. Однако к первому Учебный комитет при Святейшем Синоде был явно не готов, а второе требовало рабочих мест для «резерва» — на это не было денег. Поэтому проблему стали решать сиюминутно и централизованно: выпускников распределяли волевым порядком, не всегда принимая во внимание не только «тонкую специализацию» выпускного курса, но и отделенскую. Таким образом, «академик» нередко вынужден был преподавать дисциплину, которую изучал только в семинарии, а 4-х-летнее академическое образование оставалось лишь приятным интеллектуальным воспоминанием³³.

Но и в научной специализации вскоре проявилась оборотная сторона: в исследованиях наблюдались ограниченность и мелочная скрупулезность, фрагментаризация богословского сознания, неумение определить место и значение изучаемого вопроса в системе научно-богословского знания³⁴. Питомцы академий за деревьями переставали видеть лес.

Проявилась еще одна проблема научных работ: сугубая специализация изучаемого вопроса уводила от богословия, сводя исследование либо к выявлению исторических подробностей, либо к филологическому анализу текстов и понятий. Богословие пропадало!

Однако все эти проблемы и вопросы, требующие более пристального осмысления, попытались решить разом и довольно жестко. Корректировка Устава в 1884 г. привела к отмене и отделенской специализации, и особого устройства выпускного курса с групповой специализацией и специально-практическими лекциями, и приват-доцентуры³⁵. Заменой всех этапов

³³ Сухова Н. Ю. Высшая духовная школа... С. 261–262.

³⁴ Вафинский Н. [Глубоковский Н. Н.] К вопросам о нуждах духовного академического образования // Странник. 1897. № 8. С. 519.

³⁵ Высочайше утвержденные 20 апреля 1884 г. Устав и штаты православных духовных академий // ПСЗ III. Т. IV. СПб., 1887. № 2160 (далее: Устав духовных академий 1884 г.). С. 232–243; Объяснительная записка к проекту изменений в Уставе православных духовных академий. СПб., 1883. С. 18–19. Об этом же: Представление проекта обер-прокурором К. П. Победоносцевым императору Александру III (РГИА. Ф. 1604. Оп. 1. Д. 159. Л. 4 – 4 об.)

специальных занятий отчасти стала система профессорского стипендиатства — оставление лучших выпускников на год для приготовления к кафедрам. На их содержание была выделена особая сумма, дающая каждому стипендиату 700 руб. в год. По окончании стипендиатского года они должны были представлять Совету отчет о своих занятиях и могли быть определены на соответствующую их специальным занятиям преподавательскую должность, но с условием получения магистерской степени в течение двух лет³⁶. Полнота богословского образования была возвращена, но за это пришлось заплатить многопредметностью и некоторым ослаблением научного пафоса, на что жаловались многие члены корпораций. Но все эти огорчения и проблемы не могли остановить творческий процесс научно-богословской деятельности духовных академий, и научная результативность академий при Уставе 1884 г. в целом не ниже, а даже выше, чем при Уставе 1869 г. При этом, если вспомнить четыре идеи 1814 г., можно отметить усиление в 1884 г. духовно-воспитательной и профессионально пастырской.

Обращаясь к началу XX в., можно выделить три главных тенденции в корректировке «идеи Академии».

Первой было желание усилить модель 1869 г., превратив академии в особые богословские университеты, с внутренней специализацией по факультетам. Эти университеты должны быть конфессиональными, то есть с церковным управлением, духовным воспитанием и т. д., но с расширением академических свобод. Более радикальные проекты предлагали усилить и специализацию, и свободу выбора студентов — по примеру немецких университетов. Одним из наиболее ярких примеров является проект, представленный Советом Московской духовной академии в 1906 г. на Предсоборное Присутствие: уход от курсовой системы, выделение пяти базовых направлений для специализации (Священное Писание, систематическое богословие, историческое богословие, практическое богословие, философия), введение спецкурсов и семинаров, активное участие студентов в формировании своей «образовательной траектории» через выбор лекционных курсов, спецкурсов, семинаров³⁷.

Второй тенденцией было предложение усилить университетскую идею в богословском образовании, вплоть до полного превращения ака-

³⁶ Устав духовных академий 1884 г. § 54–56. С. 235.

³⁷ Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия: в 4 т. Т. IV. СПб., 1907. Журналы заседаний V отдела (о духовном образовании). С. 55–58.

«Идея Академии» в подготовке и проведении духовно-учебных реформ...

дедий в богословские факультеты обычных университетов³⁸. Главным аргументом сторонников «университетских» проектов была необходимость разделить подготовку пастырства и научных кадров. Более радикальные авторы (прежде всего профессор богословия Киевского университета протоиерей П. Светлов) приводили еще один аргумент: невозможность, с их точки зрения, свободного научного исследования — а, значит, и полноценного развития науки — в конфессиональной школе³⁹. Но обсуждение «университетского» варианта богословия ставило вопросы о конфессиональности богословской науки, о ее церковности и возможности сохранения того и другого в университете.

Здесь следует упомянуть и предложения по созданию Академии богословских наук и перенесению на нее задачи развития богословской науки⁴⁰.

Третьей тенденцией было желание усилить пастырскую направленность академий. Так, радикальные представители этого направления — архиепископы Антоний (Храповицкий) и Сергей (Страгородский) — настаивали на принятии выпускниками и преподавателями священного сана: кто сам «бежит от креста», не может учить будущих пастырей⁴¹.

Но все эти идеи не были, как видим, новыми, а представляли собой усовершенствование, усиление или радикализацию одной из идей, включенных изначально в тип российской духовной академии.

* * *

Таким образом, в результате векового пути «идеи Академии» был создан феномен российской высшей духовной школы: единство научно-богословского исследования, высшего духовного образования, церковно-нравственного воспитания, пастырской подготовки, литургической жизни.

Формирование и корректировка духовно-академической модели обуславливались тремя источниками:

³⁸ Проект Н. Н. Глубоковского // Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. М., 2004. Ч. 2. С. 312–313; Проект протоиерея П. Светлова // Журналы и протоколы... С. 58–61.

³⁹ Журналы и протоколы... С. 53.

⁴⁰ Журналы учрежденной при Святейшем Синоде Комиссии для выработки проекта нового Устава духовных академий. СПб., 1909. С. 12; Прил. С. 1–7.

⁴¹ Там же. С. 6–8, 10–11.

- 1) европейским опытом, накопленным за века;
- 2) опытом российской научно-образовательной системы, учитывающей национальные особенности;
- 3) собственным опытом высшей духовной школы, определяемым спецификой российского духовного образования.

На начальном этапе, при действии Устава 1814 г., доминирующее влияние на формирование модели высшей духовной школы оказывал опыт европейских научно-образовательных заведений, хотя учитывался отчасти и опыт российской научно-образовательной системы XVIII в., и идеи университетской реформы 1803–1804 гг. Модифицированный вариант академии 1869 г. хотя и строили, исходя из проблем отечественной высшей духовной школы, при их решении ориентировались на модель нового — классического — европейского «университета исследования». Это был период максимального влияния университетских идей на модель высшей духовной школы, отчасти выявивший их плюсы и минусы для решения сложной совокупности духовно-академических задач. Последующие коррективы и проекты были обусловлены преимущественно собственным опытом российской духовной школы, проблемами и их рефлексией, хотя и с учетом современных тенденций российских и европейских университетов. Несмотря на радикализм некоторых предложений, выработанный тип академии был признан наиболее адекватным, внутреннее же устройство научно-учебного процесса предполагало гармонизацию крайних вариантов, опробованных на протяжении столетия: полноты базового богословского образования и специализации, школьного последовательного обучения и научной устремленности, теоретического развития богословия и решения церковно-практических проблем.

Таким образом, наши предшественники не боялись черпать идеи из российского и мирового научно-образовательного опыта, но всегда с некоторой задержкой во времени, после того как идеи показывали свою плодотворность: так, в «идее Академии» адаптировались, доказав свою действенность, сперва иезуитская модель, затем — университет исследования.

Однако опыт показал, что отнюдь не все даже удачные для европейских и российских университетов идеи так же плодотворны для российской духовной школы. В первом случае должны были учитываться особенности российской традиции, во втором — специфика духовного образования. Кроме того, важнейшее значение имела продуманность

«Идея Академии» в подготовке и проведении духовно-учебных реформ ...

духовно-учебных реформ на всех этапах, включая предшествующий и последующий, то есть подготовку абитуриентов и реализацию выпускников. Так, неумение организовать служение кадров, подготовленных по-новому, приводило к невостребованности новизны и ее отторжению (как и случилось с идеями 1869 г.)

Опыт подтвердил и мнение святителя Филарета (Дроздова), высказанное еще в 1857 г.: любая школа (а духовная сугубо) определяется кадрами, то есть начальствующими и учащими, их единодушием, преданностью духовно-учебному делу и Церкви. Несмотря на самокритику представителей российских духовных академий, можно констатировать, что столетняя деятельность сформировала в России духовно-академическое сообщество, способное не только преданно служить Церкви научно-богословской и духовно-учебной деятельностью, но осуществлять рефлексию этой деятельности, творчески усваивая опыт мирового богословского образования и вырабатывая новые идеи, формы и модели, обогащающие этот опыт.

Natalia Yu. Sukhova

“THE IDEA OF ACADEMY” IN PREPARING AND CONDUCTING SPIRITUAL AND EDUCATIONAL REFORMS IN THE XIXth — EARLY XXth CENTURIES

The article is devoted to the creation and development of the higher ecclesiastical school in Russia in the XIX — early XX century. More specifically it deals with the history of «The idea of the Academy» as the basis of this school. The topic is relevant due to the Russian ecclesiastical and educational reforms in the recent years. Having studied materials of the pre-revolutionary reforms of theological academies in Russia, the projects, analytical reports and discussions, the author shows the influence of Western scientific and educational models, on the Russian universities' experience and theological schools' experience and implementation of the “idea of Academy” at different stages.

Keywords: *Orthodox Theological Academy, the history of the spiritual education.*